

Валентин Гольский Возвращение В Белоземицу

18+

Валентин Гольский

Возвращение в Белоземицу

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гольский В.

Возвращение в Белоземицу / В. Гольский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Семья Димы хранила описание ритуала много поколений, и он не слышал о тех, кто решился бы его пройти. Может быть, отпугивали условия, а может быть, отпугивало то, что ритуал действительно к чему-то ведёт. Что-ж, он попытается пройти его до конца и не отступить. Ещё бы не эти девушки... И кажется, одна из них не та, за кого себя выдаёт. Или даже обе?..

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Часть 1

Глава 1

Белоземица встретила меня тихим, едва слышным шёпотом высокой травы вдоль дороги, да ленивым лаем собаки, где-то вдалеке, на пределе слышимости. Покосившиеся заборы, старые и неухоженные дома, некоторые так и вовсе с провалами в крыше или обвалившимися стенами. Когда-то эта деревня была большой, сейчас же, она стала одной из многих сотен умирающих точек на карте нашей необъятной Родины. Сколько я здесь не был – уже и не помню.

Шёл, копаясь в памяти, вспоминая детские годы и себя, мелкого и очень горластого пацанёнка, с утра до вечера, носящегося по этим улицам и переулкам. Картинки прошлого тусклые и кажутся скорее надуманными, чем виденными по-настоящему. Соседская девчушка, с ней мы то были лучшими друзьями, то злейшими врагами, её имя кануло в прошедших годах. Дед Игнат, в его бороде всегда пряталась улыбка, а руки пахли махоркой. Бобик, от этой собаки в памяти осталось лишь имя и ощущение шершавого, мокрого языка на лице, даже окраса не помню.

Воспоминаний мало, а те что есть – обрывочны. Последний раз приезжал в семь, сейчас мне двадцать два – пятнадцать лет прошло, найти бы нужный дом. Хотя это я конечно преувеличил. Его не пропустить, лишь огород зарос, наверное, сильно. Вот и приметный колодец, здесь нужно свернуть направо, и ещё немного пройти по извилистой грунтовой дороге вдоль огородов.

Когда эта девушка успела меня догнать, я не понял. Отвлёкся на некстати зажужжавший в телефон, который к тому же застрял, встав поперёк кармана. Пока извлекал, в пол голоса чертыхаясь, немного отклонился с курса, вышел на обочину. Яму, заросшую травой, увидел в последний момент, периферийным зрением. У городских жителей оно развито будь здоров, ходить уткнувшись в экран телефона мы учимся ещё в начальной школе.

Очередная реклама, пришедшая в СМС, обещала немислимые доходы при минимальных вложениях. Неужели и на такое ещё ведутся? Я засунул телефон в карман, повернулся, чтобы вернуться на дорогу, и едва не сбил с ног какую-то селянку, одетую в бледно-зелёный халат.

– Осторожнее! Ой!

Она отпрянула в сторону, ступив в ещё одну, совершенно скрытую в траве яму, а корзина на её руке качнулась, уронив несколько грибов. В яме явственно чавкнула вода.

– Извините, – не люблю такие моменты, потому что чувствую себя очень неловко.

Присев на одно колено, я подобрал разлетевшиеся шляпки и ножки, кажется это были опята, и протянул их владелице, продолжая шарить глазами по земле, в поисках оставшихся.

Лучше бы я этого не делал. Девушка, с натугой тянувшая ногу из лужи, наконец справилась. С очередным «ой!», грибница шагнула ко мне, и моя протянутая рука скользнула меж её бёдер, в интимное тепло, почти туда, где ножки сходились. В неовремя распахнувшихся полах халата мелькнула белая ткань её хлопчатых трусиков, никаких кружев, всё просто, можно сказать «по-деревенски», а потом руку сильно сжало. Я дёрнул её, чем лишь вынудил шокированную, застывшую в нелепой согнутой позе девушку качнуться.

Ощутил запах, полузабытый аромат деревенской женщины: пахло травой и солнцем, огородом и коровьим молоком, а ещё чем-то, что я не могу назвать и определить, чем-то, что отличает сельских девушек, от городских жительниц. В висках стукнуло, сам не понимая, что делаю, я подался навстречу, совсем чуть-чуть, на сантиметр, не больше.

И о чём вообще думает моя голова?! Нужно встать, извиниться, а для начала вытащить руку, которую так крепко сжали её тёплые бёдра. Вот только я не мог. Мною овладел ступор, я сидел и быстро-быстро хлопал глазами, в такт метанию мыслей.

Только что думал о том, что не люблю неловких моментов. Как же сильно ошибался, называя то столкновение неловким! Ха-ха! Да лучше бы я с ней ещё десяток раз столкнулся и десять раз при этом сам упал в ту злосчастную лужу. Это была бы фигня, вот сейчас по-настоящему неловко. Чувствуя, как уши стали горячими, и наверняка очень красными, я сидел, задрал голову ей навстречу, а главное, девушка тоже замерла, в полусогнутом состоянии.

Голубые глаза широко распахнуты, крылья миленького носика подрагивают, я видел, как медленно приоткрывается её ротик. Кажется, сейчас будет визг такой силы, какого я ещё не слыхивал, и куда там Соловью-Разбойнику с его свистом. А ещё, меня посетило совершенно неуместное в данный момент желание поцеловать эти нежно-розовые губки.

Глава 2

– Я правда-правда извиняюсь, – шепчу, потому что голос отказывается мне повиноваться. Тишина. Она стоит отвернувшись, спрятав лицо в ладонях, то ли плачет, то ли сдерживает своё желание убить меня. И то и другое возможно.

– Я же не хотел, – опять почему-то шепчу, но на этот раз, всё же догадался откашлялся. – Как я могу заглазить свою вину, вы только скажите?

Сейчас, находясь очень близко, вижу, что халат у неё не бледно-зелёный, как показалось на первый взгляд. Когда-то он был красивым, с ярко-алыми розами, но после этого его много-много лет стирали и гладили, носили, рвали, а затем штопали, в результате чего он стал скорее серо-зелёным, с бледными пятнами цветов.

– Хотите, я вам новый халат куплю?

Более идиотской фразы, наверное, и придумать было невозможно. Даже девушка, отняв руки от лица, повернулась ко мне, и я увидел, что она не плачет. Хотя, смертоубийством тут тоже не пахнет.

– Зачем? – она тоже шепчет, так же, как и я поначалу. – То есть не хочу, у меня есть.

Она смотрит на свою одежду, полинявшую и многожды заштопанную, и кажется понимает какая логическая цепочка пробежала в моей голове.

– Вы надо мной издеваетесь, да?

– Извините, сам не знаю почему это сказал, – оправдываться я тоже не люблю, но больше сейчас ничего в голову не приходит. Достаяю упаковку одноразовых платков, протягиваю ей. – Только не плачьте, я не знаю, как ещё извиниться, скажите, как мне заглазить вину? Не специально же...

– Да-а, не специально, – протягивает она, затем берёт платочки, и достав один, наконец принимается вытирать глаза. – Стыд то какой, да ещё на улице, при всех.

Я изумлённо повожу глазами по сторонам.

– Но ведь никого нет поблизости, давайте просто сделаем вид, что ничего не было! – Видя, что она оглядывается, и, вроде бы окончательно успокаивается, торопливо продолжаю: – Меня зовут Дима, я сюда приехал отдохнуть. У меня тут дед жил, дед Игнат, вот...

Девушка вскидывает голову так резко, точно её дёрнули за невидимую верёвочку.

– Димка? – в её голосе звучит изумление и недоверие. – Внук Игната-бороды?!

– Ну да, – соглашаюсь я посмурневшим голосом. Никогда не любил это дедово прозвище, но сейчас лучше было не заметить. – Я это, а мы что, знакомы?

– Димка! – она неожиданно шлёпнула меня по груди, раскрытой ладонью. – Я Света, помнишь? Вон на той улице живу, то есть жила в детстве, я у вас куличики лепила из песка.

Она машет рукой в сторону, и я, напрягшись, смутно припоминаю малявку, которая иногда приходила поиграть в нашей песочнице.

– Светка-колокольчик!

– Точно!

Она с облегчением смеётся, громко, от души, показывая белые крепкие зубы, и я, чувствуя такое же облегчение, вдруг понимаю насколько детское прозвище здорово ей подходит. Точно колокольчики рассыпают свой звон по улице, звонкие, праздничные, и мои губы сами собой тянутся в стороны, улыбаясь ей и её смеху, такому заразительному и искреннему.

А ещё я вижу какая она красивая. Лицо чуть-чуть округлое, но без излишней полноты, просто лицо девушки, живущей в деревне и питающейся здоровой пищей. Голубые глаза, точно светятся, такие они яркие. Маленькая родинка над губой, очаровательные розовые ушки. Да и фигурка, несмотря на мешковатое одеяние, видится просто отличной. Нескольких верхних

пуговиц у халата недостаёт, а потому, когда Света наклоняет голову, чтобы вытереть глаза, я на миг вижу ложбинку меж её грудей...

Неожиданно чувствую сильную потребность начать думать о чём-нибудь другом, потому что, если она заметит шевеление в моих штанах, станет, наверное, даже более неловко чем пять минут назад.

– Ты к нам надолго? – отсмеявшись, она заглядывает в моё лицо.

– Пока не решил, поживу здесь какое-то время, там станет видно.

Света улыбается, кивает и вдруг, спохватывается, смотрит на маленькие часики на руке. Лицо её меняется, она разве что не подпрыгивает от волнения.

– Дим, ты же сейчас домой идёшь, можешь вот это передать соседке?

Она протягивает мне корзину, в которую я машинально опускаю подобранные с земли грибы. Забавно, оказывается всё это время я так и стоял, сжимая их в кулаке, чем переломал окончательно. Кстати, корзина доверху чем-то набита, опять там совсем немного, и лежат наверху, оттого и вылетели. Заметив грибы, Света кажется опять смущается, переступает на ноги на ногу, но тут же опять поднимает руку с часиками к моему лицу.

– Мне бежать надо, блин, я уже опаздываю!

– Передам, мне не сложно, – отвечаю, но меня кажется не слушают.

Мне пихают в руки корзину, и я невольно принимаю её, а Светка продолжает тараторить:

– Там всё по списку, сдача в конверте, да плюс грибы по дороге со станции набрала, пусть пожарит.

Она уже уходила, и я едва не позволил ей это сделать, опомнившись в последний момент.

– Стой! Ну куда ты помчалась? Свет, куда нести корзину то?

– Соседний дом, там тропинка есть, сам увидишь, – донёсся её ответ.

Я постоял ещё немного глядя вслед убежавшей девушке. Чудно же иногда бывает в жизни. Взвесил в руке корзинку, разглядывая лежащие в ней пакеты и свёртки. Ржаной хлеб, пакет молока, ещё какие-то продукты. Отдала покупки человеку, с которым не виделась с детства, по сути, незнакомцу. Не знаю, правильно ли это, но мне кажется, что пока такие люди и такие случаи будут, пока будет деревня, всё у нас будет нормально. Иногда надо доверять людям, и не могу объяснить почему, просто это правильно.

«Колокольчик», – говорю я сам себе зачем-то.

Обернувшись, иду к дому, а перед глазами стоит белая полоска ткани, там, в распахнувшемся на всего один краткий миг халатике. И рука словно опять чувствует тепло, словно опять её сжали меж собой два девичьих бедра.

Глава 3

Дом стоял потемневший от времени, с побитым в нескольких местах шифером, с щелями меж досками обшивки, с закрытыми ставнями и криво торчащей антенной. Двор дома зарос травой выше моего пояса, а в саду, та же трава скрывала кусты смородины. Да и есть ли они там ещё, эти кусты? Дом стоял молча, он смотрел на меня, вернувшегося после многолетнего отсутствия блудного ребёнка. Дом стоял холодный и закрытый, брошенный всеми, и я вдруг ощутил, насколько же давно здесь не был, но главное, в душе шевельнулось ощущение чего-то родного и близкого. Странное томление, наверное, это чувство и имеют в виду, когда говорят: «вернулся на Родину».

– Здравствуй.

Конечно же мне никто не ответил. Не хлопнули, распахиваясь, ставни, не скрипнула калитка. Зато мой голос, смущённый и дрогнувший, нарушил волшебство этого мгновения, и я наконец шагнул вперёд, осторожно приминая ногами высокую траву. Под ногу попался камень, поморщившись, я подобрал его и отбросил назад, к дороге, на видное место.

Уже почти дойдя до калитки, опомнился, взвесив корзину в руке, оглянулся назад. В соседнем доме действительно кто-то жил, туда вела настоящая дорожка, и траву косили совсем недавно.

Там жила бабушка Нюра, добрейшая старушка, которая угощала меня блинами с клубничным варением. С её внучкой, мы играли в детстве в городки, прятки, жмурки и сотни других игр, какие знали и какие могли придумать сами. Смешно: помню ту девчущку, помню, как мы с ней купались на реке, бегали в мастерскую, на которой работал мой дед, а вот имя не помню.

Подождёт бабушка Нюра.

Решительно отвернувшись от соседей, я потянул калитку на себя, и на всякий случай напрягся: а ну как упадёт? За столько лет всякое могло случиться, дерево могло сгнить. К счастью, не произошло ничего страшного или неожиданного, а дверь даже не шелохнулась.

– Кажется, где-то тут была щеколда, – я опять заговорил вслух.

Щеколда нашлась и сдвинулась относительно легко. Дверь едва заметно шелохнулась, и на этот раз, когда я потянул её на себя, сразу распахнулась, заскрипев давно не смазанными петлями. Отсюда двор выглядел ещё более неухоженным и заросшим, к тому же здесь росла в основном крапива, и до крыльца я шёл ещё осторожнее. Поднялся по ступенькам, при этом одна из них треснула подо мной.

Входная дверь была вовсе не заперта, лишь в проушине, предназначенной для навесного замка, висел толстый, загнутый гвоздь – что бы дверь ветром или снегом не открыло. Да и кому может понадобиться хранящийся здесь хлам? На цветмет разве что сдать, но подобное в Белоземице не приветствовалось, а двух «собирателей», местные жители воспитали по своему, отбив желание заглядывать в эти края. Давно, впрочем, это было, знаю лишь по рассказам. Очередной скрип несмазанных петель, пригнувшись, я вошёл в сени, затем в прохладу дома. С облегчением скинул с плеч рюкзак и поставил чемодан, поверх которого водрузил корзину.

Оказалось, что ставни закрыты лишь со стороны дороги, здесь же они распахнуты и потому, в помещении светло. Прихожая, она же обеденная. Справа большая печь, на которой так сладко и тепло спалось зимой. Топку отсюда не видно, она с противоположной стороны печи. Пахло нежилым, давно покинутым людьми домом, этот запах не спутаешь. Я вздохнул и вышел в центр комнаты. Слева дверь в зал, справа проём, ведущий на небольшую кухню. Кстати, на кухне видна относительно свежая газовая плита и самодельная столешница, которой раньше не было. Это конечно не городские навороченные кухонные гарнитуры, но увидеть тут подобное – уже хорошо. Отвернувшись, зашёл в зал и вновь обнаружил незнакомые детали

интерьера: большая двуспальная кровать, взамен двух полуторок, письменный стол с парой стульев, книжный шкаф.

Некоторое время смотрел на тумбу в углу, но в итоге решил, что это та самая, что и раньше тут стояла. Вернулся в прихожую, и уже выходя на улицу, щёлкнул выключателем. И замер как вкопанный, когда под потолком загорелась лампа.

Вот это да!

А ведь это значит, что кто-то продолжает обслуживать этот дом. Ведь если долгое время не платить за свет, то пусть счётчики и не крутятся, неактивного потребителя должны отрубать, так? Или не так? В этом я не разбираюсь, но, когда и газовая плита оказалась в рабочем состоянии, уже почти не удивился. Обнаружил и новые детали: стол несомненно протирали не так давно, а полы мыли. Не вчера, но месяц или два назад точно. За несколько лет прошедших со дня смерти деда здесь всё должно было толстым слоем пыли покрыться, чего нигде не наблюдается. Пыль есть, но её мало.

Ладно, разберёмся. Бабушку Ньюру поспрашиваю, она должна знать, что за гости сюда заглядывают.

Трава уже начала выпрямляться, потому шёл медленно, повторно её приминая, на этот раз более качественно. Надо бы посмотреть, что здесь есть из инструментов. Хотя бы коса нужна, а в идеале триммер. Вообще то, самому косить не доводилось, но наверно справлюсь.

«Молодость – она самоуверенная, но везучая» – подумал я со смешком.

После зарослей на моём участке, идти по выкошенной тропинке к соседнему дому оказалось сущим удовольствием. Некоторое время я долбился во входную дверь, затем вошёл во двор и постучал в окна, допуская что соседка старая, а потому не слышит.

Тишина. Поколебавшись, заглянул в корзинку, и убедившись, что там ничего не испортится за пару часов, поставил её на крыльцо. Загляну сюда позже, и, если корзинку так никто и не заберёт, буду думать дальше.

Вернувшись домой, для начала сел на шаткий табурет и задумался, оглядываясь. Жить одному мне раньше не доводилось, а уж тем более в деревне. Нет, конечно в теории, или там, по телевизору, я эту жизнь знаю. А как на самом деле?

Я умею готовить, и продуктов с собой целый пакет в рюкзаке. Убраться в доме и на участке не проблема, хотя с травой придётся повозиться. И скорее всего, для этого нужно будет купить необходимые инструменты. Крыша кажется держится, я не видел подтёков в доме, свидетельствующих о том, что во время дождей тут капает с потолка, но надо осмотреть дом повнимательнее. Снаружи он выглядит сильно потрёпанным.

Переодевшись в шорты и футболку, нацепив сланцы вместо ботинок, я решил первым делом озаботиться ужином и предстоящим ночлегом. Время уже пятый час вечера, приводить в порядок дом можно начать и завтра. Тем более, что меня никто не торопит и никуда не гонит.

Обыскав шкафчики на кухне, определил, что из продуктов дома имеется старая, слежавшаяся пачка соли, и пыльная бутылочка с надписью: «Уксусная кислота». Вообще то я неплохо готовлю, но из этого набора пока не способен сварганить полноценный ужин или даже перекус, потому пришлось разбирать свою сумку.

В результате на полку шкафчика легла пачка макарон и несколько банок тушёнки, пакет с солью и несколько с приправами, картошка, морковь и другие продукты. Первое время проживу, а потом, да хоть бы и завтра, сгоняю в магазин.

Первый сюрприз, от которого мне хотелось петь и плясать от радости, преподнёс холодильник. Он включился. Убедившись, что за открытой дверцей исправно горит лампочка, я благоговейно его закрыл. Этому тарахтящему монстру советской промышленности годков больше чем мне как минимум вдвое, я его ещё с детства помню на этом самом месте. И если он несмотря на свой возраст будет исправно работать, это снимет огромное количество проблем. Без холодильника нельзя, а тут к тому же и морозилка есть.

Матрас в зале был до невозможности пыльным, пришлось покорячиться, вытаскивая его на улицу. Оставил на солнышке – пусть полежит, прогреется немного. Одежд, простыней и подушек, вполне ожидаемо не нашлось, но на этот случай у меня имелся с собой спальный мешок, который я тут же достал. Кину его поверх матраса – самое то будет.

С найденным на кухне пластиковым ведёрком сбегал к колодцу. Далековато конечно, а что делать? Спасибо, что колодец вообще в рабочем состоянии, за ним явно кто-то присматривает и пользуется. Этой водой отмыл две имеющиеся здесь кастрюльки и сковороду, пере-мыл тарелки и столовые приборы. Не так и много их было. Остатки воды налил в подвесной умывальник, рядом с крыльцом. Когда-то под умывальником стояло ведро, и, если я его не найду, тоже придётся купить, а потом время от времени куда-то опорожнять.

Деревенский быт – он такой деревенский...

Убедившись, что в холодильнике уже стало прохладнее, опять порадовался, даже погладил ему белый бок с облупившейся краской, после чего вновь ушёл к колодцу.

Поставил кастрюльку воды на плиту, немного постоял рядом, глядя на пламя. Убедившись, что всё нормально, вышел на крыльцо и осмотрелся в поисках туалета. А есть ли он, в смысле в рабочем ли состоянии? Небольшое строение с мутным окошком над дверью обнаружилось быстро. Я уже подходил к нему, когда откуда-то со стороны забора послышался шорох и неясное бормотание.

Невольно замедлив шаг, я покрутил головой, определяя направление. Да это же у соседей! У бабушки Нюры гости? К забору я не шёл, а крался аки тигр, сам не зная зачем, почему-то не хотелось сразу выдавать свой приезд.

Там, за высоким забором, вдоль которого густо росла крапива, а доски обвивала берёзка, на расстеленном покрывале лежала девушка. Маленькие наушники, проводок от которых убежал к плееру, не позволили ей услышать моё приближение, я же, едва увидев её замер.

Первым сюрпризом, оказалось то, что соседка у меня не баба Нюра, а какая-то молодая девушка, любительница позагорать. Вторым сюрпризом было то, что загорала она обнажённой, видимо знала, что рядом никто не живёт. Она лежала на животе, боком ко мне, отвернув голову в противоположную сторону, и мне были видны лишь её ножки, спина и попа, но это всё было таким, что я как в мультиках стоял, вытаращив глаза, и сердце бухало в груди, так и норовя выпрыгнуть.

Как-то получилось, что я, дожив до двадцати двух лет до сих пор не видел полностью голую девушку «в живую», пусть и со спины. Сейчас же нас разделяло всего метров двадцать, и я стоял, впитывая эту картинку, водя глазами по её телу. Нехорошо, некрасиво так делать, знаю, но это пришло в голову далеко не сразу, правильные мысли вообще сегодня почему-то не желали меня посещать.

Огненно-рыжая грива волос рассыпана по покрывалу, тонкая шейка с родинкой сбоку. И на спине тоже несколько чёрных точек. Девушка тонкая, видны позвонки, ровным рядом бегущие от её волос к низу, к ягодичкам, таким милым и аккуратным, что я точно вживую ощутил в ладони их мягкость и тепло. Вот бы прикоснуться, просто погладить! Маленькие розовые ступни и пальчики. Отсюда не видно, но сам не зная почему, я был абсолютно уверен, что ноготочки покрыты лаком, скорее всего розовым.

Девушка шевельнулась, завела руку под себя – кажется ей мешал камушек под покрывалом. Передвинув его в сторону, она вновь вытянула руку вдоль тела и повернула голову ко мне.

Глава 4

Следующая минута была самой долгой в моей жизни. Я стоял неподвижно, забыв, что надо дышать, и даже сердце, стучавшее только что паровым молотом, кажется забыло, что надо биться. Потом до меня дошло, что у объекта моего наблюдения закрыты глаза, девушка продолжала загорать, не догадываясь о моём присутствии.

Ноги, не дождавшись команд оцепеневшего мозга, принялись действовать самостоятельно, и я мелкими шагами выбрался из травы назад. Развернувшись, дошёл до тропинки, по которой шёл пять минут – целую вечность назад. Закашлялся, закрывая рот кулаком, тихо, стараясь сдерживать позывы. Оглянулся, бросил взгляд на забор, и заспешил домой.

Окончательно пришёл в себя уже на кухне. Но и сейчас перед глазами стояла рыжая грива волос, прикрывавшая лицо загорающей девушки.

«А ведь я её знаю», – говорю я вслух.

И в самом деле, почти уверен, что это та самая внучка бабушки Нюры, чьё имя я даже не помню, моя детская подруга. Интересно, какая она стала? Ну, то есть, как выглядит? Фигура у неё такая, что до сих пор дрожь в коленках, а вот лица так и не увидел. Даже когда она повернулась ко мне, единственная запомнившаяся деталь – её закрытые глаза, на которые я смотрел не отрываясь.

Закипела кастрюлька на плите, и я заварил себе чай.

«Вообще-то, мне некогда думать о девушках» – напоминаю сам себе.

Делаю глоток горячего чая, грызу сушку и окончательно успокаиваюсь. Всё верно, сейчас не до женских прелестей, дел и без всяких там рыжих много. Вторая сушка кажется даже вкуснее первой. А ведь я с утра ничего не ел, только сейчас это понимаю, но существенного ничего есть и нельзя.

Встав, вновь наполняю кастрюлю, кладу рядом несколько заранее мытых картофелин – позже сварю. Наконец бокал чая пустеет, а голод если и не утолён, то ненадолго прячется. Ничего, потерпим.

Вновь возвращаюсь к делам и заботам: выбиваю матрас и возвращаю его на родное место на кровати. Что теперь? Хорошо бы помыть полы – не люблю жить в пыли и грязи, но тряпки нет, да и вёдер тоже.

Хм, вёдра...

Когда-то за сараи вела тропинка, но сейчас не видно даже её следов. Опять приходится идти через крапиву, несмотря на всю осторожность, на этот раз мне здорово достаётся – чешутся и руки, и ноги. Обещаю этому врагу скорую расправу и наконец добираюсь до бани.

И вот тут я ругаюсь, обзывая себя множеством нехороших слов.

Бегать за водой с маленьким пластиковым ведёрком, и даже не подумать о том, что в бане вполне могут найтись нормальные. Они и были, целых три штуки. Два оцинкованных и одно эмалированное. Да ещё и бак для холодной воды, который стоял на полке перевернутым, его я разумеется, трогать не стал, лишь проверил, что он не прохудившийся.

Вот же я тормоз!

Зато, теперь знаю, что могу истопить баню и помыться в ней. Дрова видел в сарае, вот только оценить их количество не могу пока. Стоят там два ряда. А много это, или мало? Например, в доме, кроме печи на кухне, имеется голландка в жилой комнате, помнится её всегда растапливали, когда становилось холодно. Вот сколько ей дров нужно?

Я даже не в курсе, надолго ли приехал. А ну как перезимовать придётся? И где эти дрова ещё берут, как покупают, не в супермаркет же за ними бежать.

Я слишком мало знаю...

На обратном пути, оглядывая сарай, нахожу лопату да пару мотыг. Тупые, старые и ржавые, но они есть, спасибо хоть за это. Тряпка тоже нашлась, висела в чулане, и остаток дня провёл за мытьём полов. Вспомнил о корзине, оставленной у соседки лишь когда начало темнеть.

«Там живёт рыжая, я же видел. Она конечно занесла эту корзину в дом» – убеждал я себя, но при этом всё же шёл проверить, так ли это. А ещё, очень хотелось увидеть соседку ещё раз, при воспоминании о ней, у меня даже ладони начали потеть.

«Спокойно, спокойно. Ещё не хватало, что бы она заметила моё возбуждение»

Подойдя к калитке, я заглянул в щель и удивился, увидев корзину на прежнем месте. Что за ерунда? Не может же она до сих пор там загорать, солнце клонится к земле, на улице темнеет.

Как и в прошлый раз, я сначала попытался достучаться до хозяев, и как в прошлый раз, это ничего не дало. Открыв калитку, подошёл к крыльцу и заглянул в корзину – продукты были на месте. Чудеса...

Разгадка этого чуда обнаружилась почти сразу. Из-за угла дома вырулила сонная рыжая соседка с выражением страдания на лице. На этот раз, она была даже немножко одета – трусики и лифчик присутствовали.

Меня она заметила не сразу, лишь когда между нами осталось всего два-три шага, девушка подняла голову и вдруг обнаружила, что больше не одна. Взвизгнув, отпрыгнула назад, выставила перед собой растопыренную ладонь.

– Вы кто такой?! – испуганно спросила она, и тут же поморщилась, а я наконец понял причину страданий.

Да она же сгорела на солнце! Просто-напросто уснула, и последние несколько часов, с момента как я её увидел, она так и спала на своём покрывале! Если при этом кремом от загара не пользовалась, то представляю, как ей сейчас плохо. Да и голову, наверное, напекло, чем вообще думала?

Конечно ничего такого вслух я не высказал. Наоборот, отступил на шаг назад, показывая пустые руки, заговорил успокаивающе:

– Я ваш сосед, Дима, – махнул рукой на свой дом. – Пришёл вот...

– Там никто не живёт, – в голосе появилось ещё больше напряжения, она даже перебила меня.

– Я только сегодня приехал. Корзинку принёс, Света просила передать.

Корзину она явно узнала, осторожно обошла меня, заглянула внутрь, а я смотрел на неё.

Было вообще-то на что посмотреть. Тонкая, стройная, женственная, влекущая, красивая, потрясающая, очаровывающая – все эпитеты, что мне сейчас приходили в голову ей подходили. Рыжие волосы рассыпались, завиваясь на концах, лежали на плечах и полукружиях грудей. Зелёные глазищи, необычного яркого и чистого цвета. Линзы она носит, что ли? Нос тонкий, чуть-чуть с горбинкой. Грудь, небольшая, но такая удивительно манящая. Талия и в прошлый раз мне показалась стройной, как говорится «осиной», сейчас же я вижу её вблизи, и впечатление только усилились. Да она весит, наверно, всего килограммов сорок-пятьдесят. Бёдра не широкие, скорее девичьи. Интересно, а она уже?..

Не догадываясь о моих мыслях, она изучила содержимое корзины и кажется пришла к определённым выводам, спросила:

– Так вы внук деда Игната? То есть тот самый Димка?

– Ну да, внук. Но «тот самый» или «не тот самый» – это я не знаю. А вас как зовут?

– Яна, – она, сообразив, что стоит полуголая, замахала руками, – отвернись давай, ну чего пялишься?

– И ничего не пялюсь, – обиженно прогудел я. – Стою, смотрю...

– Вот именно!

Против этого аргумента иногда сложно спорить. Проще попытаться сменить тему:

– А ты внучка бабушки Нюры, да?

Сами не заметив, переходим с ней на «ты». Вместо ответа за моей спиной скрипнула дверь, послышался шелест, затем Яна зло сказала:

– Блин, ну как так можно, а? – она вновь зашелестела, и наконец милостиво разрешила: – можешь поворачиваться.

Теперь на ней была длиннющая футболка, с надписью: «Лысая дивизия» на груди и изображением лысого мордоворота. Это было так неожиданно, что я хихикнул.

– Узнал, да? – поинтересовалась Яна.

– Так это ты? – ткнул я пальцем на лысого, – нет, не узнал. Похожа конечно, но волосы тебя сильно меняют.

– Иди на фик! – засмеялась девушка, махнула было рукой, но тут же зашипела от боли. – Говорю, узнал меня? Когда назвал внучкой бабы Ньюры?

– Предположил, – подумав ответил я. – Мы в детстве дружили, да?

Она кивает, видимо слишком сильно, потому что морщится и произвольно издаёт то ли писк, то ли скулёр.

– Я тут немножко на солнце перележала, давай потом поболтаем? Спасибо за покупки, и вообще, что разбудил, – она засмеялась. – Я же проснулась оттого, что ты в калитку долбился. Так и лежала бы до сих пор там.

– За покупки Светке спасибо, мне-то за что. Просила сказать, что сдача в конверте лежит, а грибы она по дороге набрала тебе, пожарь.

– Да-да, видела, спасибо, – Яна так и стояла, не пытаясь зайти в дом.

Повисла тишина. Девушка смотрела странно, покусывая нижнюю губу словно что-то хотела сказать, или чего-то ждала. И так у неё это получалось, покусывать губу имею в виду, что я невольно сглотнул. Даже в подступающей полутьме видел влажный блеск, который оставляли её белые зубки.

– Ну, я пойду тогда, – прерываю я неловкую паузу и потихоньку пячусь к выходу.

Яна кивает, всё также задумчиво смотрит на меня, но ничего не говорит. Даже закрыв калитку за собой, я ещё вижу её тонкую фигурку. Что с ней?

Торопливо иду домой, потому что уже темнеет, а я до сих пор не ужинал, да и ещё кое-какие дела остались на сегодня.

Дома перво-наперво ставлю вариться картошку, затем достаю из чемодана, с самого его дна, пластиковый контейнер. В нём всего два предмета: связка самодельных свечек, замотанная цветастой тряпицей и плоская фляжка.

Отвязываю одну из свечей, а остальные, осторожно перевязав, возвращаю на место. Взболтав фляжку, наливаю рюмку и по комнате разносится пряный запах трав. Выпиваю, а потом долго морщусь и сдерживаю рвотные позывы: вкус просто ужасен, да к тому же, в этом напитке градусов семьдесят, а скорее всего больше. В желудке точно взрывается бочка напалма, и я ощущаю, как он мчится по жилам, поджигая меня изнутри всего. Закусывать или запивать нельзя.

Говорят, что, выпив эту рюмку, можно загадать желание, которое непременно сбудется, но это неправда. Не знаю, кто придумал байку, отдаёт это чем-то детским. И всё же, когда наконец способность говорить возвращается, я хриплю:

– Пусть она придёт.

Кто именно, Яна или Света – сам не знаю, от выпитой на голодный желудок рюмки, мысли в голове немножко плывут, а образы девушек почему-то накладываются. Яна – рыжая, а Света? Кажется, блондинка...

Во рту опять появляется мерзкий травяной вкус, и опять приходится напомнить себе, что закусывать или запивать нельзя. Надо терпеть.

Что бы отвлечься, рассматриваю свечу. Голубоватый оттенок парафина, мятый и закручивающийся поросычьим хвостиком фитиль. Если посмотреть на свет, в парафине можно раз-

личить сторонние вкрапления – это зёрнышки некоторых трав, кусочки коры, а уж про иные ингредиенты я и вовсе умолчу. Скажу лишь, что на изготовление этих свечей потратил почти три месяца, и спасибо, что у меня была подробнейшая инструкция, с замечаниями предшественника. Открываю топку голландки, и ставлю свечу там, прикапываю старыми углями, что бы она не упала. Проверяю, что тяга не очень сильная. Хотя пламя этой свечи не погаснет и на самом сильном ветру, но осторожность всё равно проявляю.

Наконец закипает вода и я немного убавляю пламя. Наверное, теперь можно и закусить, но уже не хочется, дождусь горячего ужина. Когда позади раздаётся скрип двери, вздрагиваю, резко оборачиваюсь.

– Привет, ещё раз, – она смущённо переступает с ноги на ногу. – Ничего, что я без приглашения?

Глава 5

Пауза затягивается. Смотрю в её зелёные глазищи и не знаю, что сказать.

– Ну так что? – Яна опускает глаза и осматривает себя, не понимая, что именно ввело меня в такое состояние.

– Будешь ужинать?

– Буду, – улыбнувшись, она проходит, и садится на шаткий табурет. Протягивает принесённый с собой пакет.

– Что это?

– Грибы, молоко, сметана, ещё кое-что по мелочи. – Яна вздыхает. – У тебя есть холодильник?

– Ну да, а у тебя что, нету?

– Сломался. Ничего, если это всё здесь пока постоит?

Пожимаю плечами и выкладываю содержимое пакета на нижнюю полку. Последней показывается бутылка вина, оглядываюсь через плечо.

– В гости с пустыми руками не ходят, – мило улыбается мне Яна.

– Ну да...

Мы садимся ужинать. Конечно, те несколько картофелин, которые я сварил в расчёте на себя, не могут насытить двоих. Открываю дополнительно банку тушёнки и разогрев её, подаю вместе с картошкой. Хлеба мало, пытаюсь отдать его девушке, но она разламывает кусок на две неравные части и даёт мне большую, не слушая моих возражений.

– Я хлеб мало ем. Вообще, надо было захватить с собой буханку, которую сегодня ты принёс. – Она смотрит на плиту, где закипает кастрюлька с водой для чая и спрашивает: – У тебя есть штопор?

– Нет...

На стол тут же ложится штопор. Где она его вообще держала? На ней же кроме футболки и нижнего белья ничего нет!

– Так и думала, – говорит Яна так, будто только что уличила меня в чём-то неприличном. – Поэтому взяла свой.

Новые вопросы излишни, под насмешливым взглядом гостьи я иду за бутылкой, а потом долго выкручиваю пробку, которая отчего-то отказывается выходить из горлышка. Разливаю вино по кружкам. У меня своя, железная, туристическая, а вот Яне достаётся найденная здесь алюминиевая, мягкая с одного боку. Девушка с подозрением осматривает посудину, косится на меня.

– Она чистая, я помыл, – пытаюсь я её успокоить. – Хочешь, поменяемся, я тебе свою отдам?

– Давай, – сразу соглашается эта привереда.

Не дожидаясь, пока я передумаю, она хватает со стола мою любимую кружку, поднимает её и смотрит выжидающе. Кажется, сейчас требуется сказать тост, ага...

– Только я из неё чай пил недавно, – признаюсь я.

– М-м-м, – тянет она в ответ. – Ну и ладно. Некоторые вон вообще губами друг друга трогают. Называют поцелуями, вот чудики, правда? Ты потом тоже попьёшь из этой кружки и будем считать, что мы поцеловались.

Вот зачем она это сказала? Мысли у меня сразу же повернулись в направлении нашего поцелуя. Почему-то уверен, что она здорово целуется, гораздо лучше меня, и жутко хочется это испытать.

– Скажешь что-нибудь?

– Да, конечно, – откашливаюсь я. – Задумался, извини. Давай за знакомство? То есть за встречу после стольких лет – мы считай заново познакомимся.

– Принимается, – она благосклонно кивает и делает небольшой глоточек. – Вкусное, правда?

– Угу...

Я пью вино всего третий раз в жизни и сейчас мне действительно нравится. Мы потягиваем его точно горячий чай, маленькими глотками, смотрим друг на друга и повисшая в комнате тишина не мешает, а наоборот, сближает нас. А может мне это лишь кажется, выдаю желаемое за действительное, как любила говорить моя прошлая девушка. Сам не замечаю, как выпиваю пол кружки. Становится хорошо и легко, а Яна становится такой близкой, что сейчас я бы мог её поцеловать. Трясу головой, чтобы отогнать эту мысль.

– Ты чего? – сразу спрашивает она.

– Ветер из головы выгоняю.

Она удивлённо приподнимает брови, протягивает свою посуду.

– Налей ещё немного.

Я вижу, что в кружке ещё плещется вино, но послушно беру бутылку и доливаю ей и себе. Затем, вспомнив кое-что, вскакиваю со стула.

– Яна, я совсем забыл!

Иду к своей ветровке, висящей у двери, и достаю из кармана плитку молочного шоколада, почти целую. Мы разламываем его на дольки и Яна тут же отправляет одну себе в рот.

– Вкусно.

Она поворачивается ко мне, выставляет ноги из-за стола. Забывшись, откидывается на спинку стула, но тут же морщится, садится как прежде: прямая и ровная.

– Совсем забыла, – девушка опять морщится. – Я ведь не просто так пришла.

– Да?

– Мне нужна твоя помощь. – Она мнётся, словно стесняясь.

Что-ж такое ей от меня нужно? Сажусь в ожидании продолжения, но Яна молчит, и я не выдерживаю первым:

– Что ты хотела?

– Ну... Помнишь, я сегодня заснула и сильно обгорела... Намажь меня пожалуйста сметаной? – Она ждёт, крутит в левой руке мою кружку, внимательно её изучает, а правой рукой теревит край футболки, отчего длинную и стройную ножку становится видно ещё лучше. – Если тебе конечно не сложно.

Чувствую, что срочно нужно промочить горло. Теперь понимаю это выражение. Делаю глоток и не ощущаю вкуса. Опускаю глаза, киваю.

– Конечно, Ян, намажу.

Большого сказать не получается, потому что футболка, которую девушка продолжает теревить, задирается сильнее и показывается край её трусиков. Там, возле её дома, я был слишком ошеломлён что бы их разглядеть, сейчас же вижу, что они белые, и на них нарисованы кружочки разных цветов. Вот из-под края футболки показывается синяя горошина. Вот красная и жёлтая... А ещё, я вижу как плотно эти трусики сидят на ней, потому что там, где ножки сходятся, угадывается силуэт...

Отворачиваюсь, бросаю искоса взгляд на девушку. Кажется, она ничего не заметила. В горле стоит ком, а в трусах жарко и тесно. Спасибо, что шорты просторные, будь я в облегающих – сейчас вообще не знал бы что делать. Но боюсь, что она заметит, несмотря на то, что я прикрыл своё возбуждение футболкой.

– Ну давай тогда за тебя, – она поднимает кружку.

– За тебя, – отвечаю ей.

Мы чокаемся и Яна выпивает вино залпом. Следую её примеру, надеясь, что терпкий вкус отвлечёт, но возбуждение не проходит. Девушка встаёт и идёт к холодильнику. Я смотрю на неё, такую стройную и красивую, замечаю, как при ходьбе футболка облегает её попу и возбуждаюсь ещё сильнее. Неужели, это вино так действует?

Она возвращается, вручает мне пакет со сметаной и спрашивает:

– Здесь намажешь, или в комнату перейдём?

– Всё равно, – слышу собственный голос точно со стороны, сейчас он кажется мне чужим. – Давай здесь.

Она отворачивается и снимает футболку, убирает волосы вперёд. Встаёт передо мной, и я вижу какая красная у неё спина и ноги. Спереди кожа более бледная, видимо так и спала всё время на животе.

– Волдырей не видно?

– Кажется нет.

Встаю, поправляю свою одежду. Главное, чтобы Яна не подалась назад, будет очень неловко. Выдавливаю холодную сметану на ладонь и начинаю осторожно наносить её на шею и спину.

– Расстегни пожалуйста, – просит девушка.

Чувствуя дрожь своих пальцев, расстёгиваю застёжку. Яна прикрывается спереди футболкой, скидывает лямки бюстгалтера и сжимает его в руках. Успеваю заметить знакомые горошинки на чашечках. Кажется, это называется «комплект».

Провожу ладонями по спине, добавляю ещё сметаны, сбегая вниз и останавливаясь, лишь достигнув границы трусиков.

– Как хорошо, – шепчет девушка. – У тебя такие холодные руки...

– Это сметана, – тоже тихо отвечаю я ей и зачем-то поясняю: – она же из холодильника.

Яна смеётся, потом более низким, грудным голосом спрашивает:

– Ты уже всё?

– Почему-то в её словах чудится некий подтекст, я пробегаю ладонями по её предплечьям, и так и не решившись приступить к ягодицам, соглашаюсь:

– Да, уже всё.

– Можешь не заходить пока в комнату? – Она кажется немного разочарована. – Я намажу остальное.

– Конечно.

Сажусь и смотрю, как она уходит в зал, затем тихонько выдыхаю сквозь зубы. Наливаю немного вина и сразу выпиваю его. Что это было? Она что, флиртует со мной? Или просто играет? Но зачем?

– Всё, намазалась, – сообщает наконец Яна. – А что делать дальше не знаю, надо что бы сметана впиталась, я даже одеться не могу.

Представляю себе её, стоящую там голой. Ведь наверняка, попу тоже мазала, вон она, какая у неё красная была. Красная, и такая потрясающая! Обалдеть, у меня в доме голая девушка!

И тут Яна завизжала. Вскочив, я бросился к ней, едва не сбил на пороге комнаты.

– Мышь! Здесь мышь!

Ну да. Я её сразу увидел: крошечная мышка сидела в углу комнаты, а при моём появлении метнулась под кровать. Было бы из-за чего так визжать.

Затем Яна вцепилась в меня, и мелкий грызун вылетел из моей головы. Я оказался прав не на все сто процентов: трусики на девушке всё-таки были одеты. Но только они...

Глава 6

Совместными усилиями, мышку мы всё-таки убили. Совместными – это когда я бегал за несчастным зверьком с кочергой в руках, а Яна держалась за моей спиной, взвизгивая в особо опасные моменты. Когда, по её мнению, мышь встречалась с ней взглядом.

После ликвидации угрозы её жизни, Яна вдруг поняла, что всё это время бегала тут передо мной в одних трусиках и теперь уже спасался я. Хорошо хоть меня били не кочергой, а всего лишь многострадальной футболкой. За что – так и не понял. Лысая физиономия, изображённая на футболке, не поняла, по-моему, тоже...

Наконец, трупик мыши был выброшен в окошко, а Яна сочла сметану достаточно впитавшейся, чтобы одеться. Тяжело переводя дух, мы сели на кухне и уставились друг на друга.

– Требую вина, вкусную шоколадку и извинений, – определившись с требованиями, Яна их наконец озвучила и уставилась на меня выжидающе.

– Шоколадка почти целая – ешь, хотя свою половину я тебе не отдам. – При этих словах, левая бровь девушки приподнялась. Я перевернул бутылку над её кружкой и оттуда выкатилось несколько последних капель. Пояснять не требовалось, а у Яны приподнялась вверх правая бровь. Я добил её третьим обломом: – А извинений не будет, потому что не знаю за что надо извиняться.

Брови у Яны кончились, потому она больше ничего не поднимала, зато ткнула пальцем на свою грудь и с интонациями доброго следователя спросила:

– Сюда смотрел? Пялился, то есть?

Вместо ответа, я задрал собственную футболку и указал на себя:

– Смотри, – а когда девушка уставилась на мою грудь, подождал пару секунд и вернул одежду на место. Тряхнул головой: – В расчёте!

Судя по ошарашенному взгляду Яны, так с ней ещё не поступали. Мы помолчали, помолчали... И дружно рассмеялись.

– Ой-ой-ой... – простонала Яна. – Мне же нельзя так смеяться, у меня спина болит...

Она залилась смехом ещё сильнее, и я вторил ей. Уже почти успокоившись, задрал и опустил футболку ещё раз, чем вызвал новый припадок веселья. Окончательно успокоились лишь когда я начал икать от смеха и пришлось идти пить водички.

– А что, вина и правда нет? – Яна заглянула в бутылку и отправила её в мусорный пакет. – Мне понравилось.

– Кончилось.

– А если сходить в магазин?

– А где он тут? И вообще, он работает так поздно? И если что, сразу предупреждаю: я не пойду...

– То есть это я должна бежать в магазин? – возмущается, девушка. – И где он тут находится, я тоже не в курсе.

Мы замолчали. Я осмыслил полученную информацию, и наконец решился спросить:

– Как это ты не в курсе, где тут находится магазин?

– А ты что, решил, что я тут живу? В Белоземице?

– Ну да... – ответил я осторожно. – А это не так?

Яна рассмеялась, словно я выдал замечательную шутку.

– Димка, в Белоземице живёт человек двадцать-тридцать, сплошные пенсионеры. Что мне тут делать?

– А Светка?

– А Светка приезжает сюда, живёт несколько дней и уезжает обратно в город.

Понимаю, что тема Светки ей отчего-то не нравится, и спрашиваю о другом:

- А ты сама, тоже на несколько дней здесь?
- Нет, – улыбается Яна. Приехала отдохнуть, недельки две хотела пожить, может больше.
- А что с работой?
- Нигде не работаю пока. С прошлой уволилась – директор козёл тот ещё. Я к нему с докладом, а он глаза ниже выреза блузки опустить не может, представляешь?
- Это я хорошо представляю. У самого перед глазами до сих пор стоит её грудь, но вслух, разумеется, поддерживаю:
- Правильно что ушла. Кто его знает, мог и приставать начать.
- А он и попытался, – хихикает Яна. – Я взяла запись с камер наблюдения и к адвокату знакомому. Поэтому сейчас и отдыхаю, могу себе позволить.
- Какая ты стала, – вздыхаю я с усмешкой. – А в детстве, носила такие трогательные бантики.
- За которые ты иногда дёргал, – соглашается она и жмурится, должно быть вспоминая детство.
- Весёлое было время.
- Да... кстати, – она отправляет в рот очередную дольку шоколадки. – А где ты будешь спать? Где твои подушка, одеяло и прочее?
- У меня есть спальный мешок.
- Яна морщит носик, встаёт и заглядывает в комнату.
- А что не так? В нём очень даже удобно, ты не пробовала?
- Кровать у тебя одна, – задумчиво говорит Яна.
- Пока и на одной умещаюсь, жаловаться не приходилось, – осторожно отвечаю я, не понимая куда она клонит. – А что?
- Ты был в моём доме? В доме моей бабки, – она машет рукой.
- В детстве был вроде... – задумываюсь я.
- Вот и я тоже... в детстве. Там крыша в двух местах провалилась, даже потолок просел. Два окна без стёкол, бабки лет семь как не стало, вот за домом никто и не смотрит.
- Да ты что?! Я думал наоборот, у тебя же тропинка выкошена, да и во дворе тоже...
- Это Светка какого-то приятеля местного подрядила помочь. Я ей заранее, ещё позавчера сказала, что приехать планирую. А сегодня вот примчалась. Сумбурно немного, пакет с едой в машине забыла, – она досадливо морщится. – Хорошо, хоть вино было в сумке с вещами.
- Так вот, почему она тебе корзину с продуктами передала!
- Ну да, – девушка смотрит совершенно невинным взглядом, но я кажется уже начал понимать куда клонится разговор.
- Продукты передала, а постельку чистую не смогла?
- Дим, ну я же уснула, ну ты же видел, – начинает канючить Яна. – Планировала убраться в доме позже, сначала чуть-чуть позагорать захотелось. Такое солнышко, погода классная, а ещё совсем нет комаров, представляешь? Вот и разморило...
- Погоди, Ян, но ты же говоришь, что в доме стёкол нет и крыша провалилась, как ты там собиралась ночевать?
- Ну я же не видела, не знала этого, – она хлопает глазами.
- То есть ты даже домой не заходила, как приехала?
- Ну почему, зашла... Посмотрела – там такая грязь, что я решила: немножко полежу на солнышке, а потом буду убираться. Ну ты сам, неужели бы кинулся полы мыть на моём месте?
- Я между прочим, тоже сегодня приехал, и первым делом принялся именно за уборку.
- Ну блин, ты молодец, а я ведь тоже хотела, только уснула.
- Вздыхаю так, что она умолкает. Смотрит на меня выжидательно, а я что, я совсем-совсем железный что ли?
- Ну и как ты себе это представляешь?

– Ты можешь лечь... – она задумывается, ковыряет пальчиком стол, заканчивает неуверенно: – с краю?

– А спать? У тебя постельное бельё есть?

– Его тоже завтра привезут, – говорит она с несчастным видом. – Я же говорю, в машине забыла.

– Ты сказала, что оставила там продукты!

– Они были завернуты в постельный набор. Там же стекло, что бы не разбилось, я завернула.

– И ты, вся намазанная сметаной, хочешь лечь спать в мой спальный мешок? – тихо ужасаюсь я.

– Где намазанная, – хлопает ресницами Яна. – Сметана впиталась давно. А он у тебя большой кстати? Там вдвоём нормально спать?

– Там спать хорошо только одному, – твёрдо говорю я ей. – И только не намазанному сметаной.

– Ну Дим, ну чего ты, так вообще с гостями не поступают, – опять канючит она, но я непреклонен.

– Яна, ты классная, но после тебя мешок нужно будет стирать. А тут даже машинки нет, где я его, на реке буду... – я умолкаю от пришедшей в голову мысли. Девушка смотрит вопросительно, приходится объяснять: – Яночка, а ты вообще знаешь, что тут совсем рядом река протекает?

– Ну конечно, за нашими огородами же, ты что, только вспомнил?

– Да я не о том! Предлагаю тебе помыться там, смыть с себя эту жирную гадость, и тогда можешь лечь со мной.

– С тобой?! Почему это я должна спать с тобой?

– А ты думаешь, я тебя уложу в свой спальный мешок, а сам лягу рядом, на полу? Да я тебе всех пойманных ночью мышей в этот мешок запущу.

Девушка представляет себе эту картину и содрогается:

– Я не спорю, ты тоже ляжешь, неужели я тебя прогоню. – Хмурю брови, и она торопливо заканчивает: – Но это не значит, что я буду спать с тобой! Мы будем лежать в одном мешке и всё. Ты отдельно, я отдельно.

– Лежать в одном мешке... как две большие картофелины, – передразниваю я её интонации. Потом представляю нас картофелинами, что лежат бок-о-бок друг с другом, причём Яна с пучком рыжих волос, и мне становится смешно. – Ты вообще когда-нибудь спала в спальном мешке? Ну, там, на природу может ездила?

– Нет, в первый раз буду.

– Тогда понятно... – зачем рассказывать ей про размеры спального мешка, если всё равно других вариантов не нахожу. Сама увидит.

– Только ты сходишь к реке со мной! И мы зайдём ко мне домой.

– Зачем?

– За полотенцем и гелем для душа.

Вообще то, отправляться одной ночью на реку – действительно плохая идея. Пусть она взрослая и кажется вполне самостоятельная девочка, но надо бы сходить с ней. Для успокоения совести, так сказать.

А ещё я думаю о том, что купание на реке в полнолуние – отличная мысль.

Глава 7

Дом, где когда-то жила бабушка Нюра действительно в плохом состоянии. Смешно думать, что в нём можно не то что жить, но даже провести ночь. Я лишь зашёл внутрь, окинуть взглядом можно ли здесь что-нибудь сделать и отвернулся, махнув рукой. Это работа мне не по силам: нужен инструмент, нужны материалы, в конце концов нужно желание. У дверей стоит огромная сумка, в которой копается моя спутница, что-то разыскивая. Интересуюсь:

– Сумку оставим здесь?

– На обратном пути захватим с собой, – не отрываясь отвечает девушка. – Или ты хочешь её носить с собой, к реке и обратно?

– Я хочу? – Возмущаюсь я не столько этой идеей, сколько тем, что Яна кажется решила переехать ко мне. – Ты вообще о своих планах расскажи для начала...

– Ура, нашла! – сообщает она мне в ответ, радостно демонстрируя какой-то флакон. – Я уж думала, что дома забыла.

– Или в машине, – поддакиваю я. – Смотрю в той машине много всякого уехало, например, здравый смысл.

– Какой ещё здравый смысл? – с подозрением спрашивает Яна.

– То есть, его вообще не было? Мне тоже так начало казаться...

Яна хватается меня под ручку и тащит к выходу, так, что я задеваю плечом косяк и шиплю от боли.

– Так тебе и надо, – злорадно решает девушка и тут же пищит не хуже той мыши: – ой-ой-ой, только не за волосы!

Это я её дёрнул за хвостик, вспомнив детство.

– То-то же, – говорю я строго.

– Ну, знаешь, Совёнок, я тебе это ещё припомню.

– Блин, ты и это помнишь?

Она злорадно смеётся, закрывая входную дверь.

Откуда взялось это прозвище, я и сам не могу сказать. Может потому что фамилия Савушкин, но скорее потому что в детстве хохолок забавный на голове был. Я видел детские снимки, на каждом втором вылитый совёнок запечатлён. И то, что Яна прозвище помнит – для меня стало полной неожиданностью. Я-то имя её не смог вспомнить, да и узнал с трудом.

Тропинка к реке бежит вдоль забора, за которым я сегодня стоял, разглядывая обнажённую соседку. Помню, что в детстве, вдоль забора проходили отличные тропинки, и с той стороны, и с этой. Увы, без надлежащего ухода, тропинки заросли, и почему то, особенно в этом году удался урожай крапивы...

– Блин, опять укололась, – жалуется девушка.

Она идёт следом за мной по примятой полосе, но и ей достаётся, основной же удар, я принимаю на себя. Обуть вместо сланцев кроссовки я догадался, а вот надеть штаны вместо шортов почему-то нет. Два фонарика, мой – налобный и Янин в телефоне освещают нам путь.

Ночной воздух свежеет – сказывается близость воды. Иду, ориентируясь лишь по частоколу справа от себя, не зная сколько мы прошли и сколько осталось. Длина огорода метров двести кажется. На глаз, а он у меня, совсем не алмаз.

– Ну что там, долго ещё? – спрашивает Яна, и я испытываю сильное желание сделать вид, будто чего-то испугался, отшатнуться назад, и тем самым затолкнуть её в крапиву.

– Уже пришли почти, – бурчу в ответ, сквозь зубы.

– А почему так темно, сегодня же полнолуние должно быть. Днём солнечно было, неужели тучи вечером нагнало так, что луну закрыли?

– Наверно...

Как ни странно, я угадал. Забор здесь, как оказалось, упал давным-давно, и мы не сразу понимаем, что за трухлявые доски под ногами. Лишь когда передо мной в свете фонарика появляется чёрный силуэт дерева, я вдруг осознаю, что вечерний хор лягушек звучит совсем-совсем близко, почти вокруг нас. Обойдя дерево и продравшись сквозь кусты, мы выходим на пляж.

– Песок, – тихо и радостно констатирует Яна, – пришли.

Словно по команде, вокруг начинает светлеть. Мы задираем голову, смотрим как тучи сползают с лунного диска, точно покрывало, сдёргиваемое с некой презентуемой новинки.

В ночном свете, Яна кажется даже ещё красивее чем днём. Скинув сланцы, она кладёт на них телефон так, чтобы фонарик светил в сторону воды. Делает несколько шагов по пляжу, подойдя к реке, наклоняется и касается водной глади.

Не приседает, а именно наклоняется!

Из-под футболки показывается краешек белой ткани, по которой, как я помню, разбросаны разноцветные горошины. Она что, специально это делает?

– Тёплая, – Яна смеётся, а выпрямившись, машет в мою сторону рукой, отправляя в полёт блестящие капли. – Сто лет не купалась ночью на реке.

Хочу сказать, что я тоже, но не могу произнести ни слова, очарованный происходящим передо мной.

– Ты конечно, не отвернёшься, – в её голосе игривые нотки. – Или отвернёшься, и потом будешь подглядывать и фантазировать...

Она проходит, слева направо, а затем назад, ставя одну ногу в воду, а другую на песок. Я хочу сказать, что мне нечего фантазировать, а днём я её и так видел обнажённой, но лишь повожу головой из стороны в сторону, следя за девичьей фигуркой. Выбрав место, Яна наконец останавливается.

– Ну и ладно, – она смеётся задорно и от этого смеха, у меня по коже бегут мурашки, а внизу живота теплеет. – Всё равно ты меня уже видел... Да и темно тут...

Яна скидывает футболку так, как, наверное, умеют только такие красивые девушки как она, и может быть, самые талантливые гимнасты: футболка точно сама скользит по ней вверх, без каких-либо усилий владелицы, одно движение, и рыжая грива высвобождается из плена одежды. Гибкое и плавное движение, текуче-зачаровывающее, и футболка отправляется в полёт в мою сторону, а девушка в противоположную – в воду. Яна погружается, брызги летят в разные стороны, следом у моих ног опускается футболка.

Хочу сказать, что в этом месте может оказаться неглубоко, что бы она была аккуратнее, но уже поздно, да и она, похоже, знает, что делает. Белый силуэт уходит в глубину и исчезает, а я стою не дыша. Наконец выдыхаю восторженно:

– Ух ты...

Яна выныривает спустя ещё несколько ударов моего сердца, восторженно кричит:

– Как здорово! – её звонкий голос разносится над рекой и заглушает даже кваканье лягушек. – Пойдём, залезай в воду!

Скидываю одежду, оставшись в трусах бегу к воде. Опомился я в последний момент: стянул в головы фонарик, бросил его к футболке. Вода тёплая и пахнет тиной, ноги увязают в мягком дне реки, а брызги, которые я поднял, наверно долетают даже до наших вещей. Плевать! Так хорошо, как сегодня, мне не было уже неизвестно сколько дней, недель и месяцев. Ору что-то нечленораздельно-счастливое и смех Яны сплетается с моим криком.

Затем мы просто плескаемся и плаваем, ныряем и брызгаемся. Яна – умница, если бы не фонарик телефона, который она направила в сторону воды, возможно мы бы даже потерялись. Я уже и не помню, когда купался ночью, и оказалось, что стоит отплыть от берега совсем чуть-чуть, как он превращается в тёмную полосу, без каких-либо различий. Почему идея с фонариком пришла в голову ей, а не мне?

Уставшие и наплававшиеся, мы выбираемся на берег. Сразу становится очень холодно, Яна идёт впереди и возмущённо требует, чтобы я отвернулся и не смотрел, как она выходит из воды, но я не обращаю внимания, иду следом, разглядывая её блестящие в лунном свете ягодички, спину и слипшиеся волосы.

– Ты всё-таки очень наглый тип! – говорит мне девушка.

Она заматывается в своё полотенце и протягивает мне предмет, который я поначалу даже не узнаю, настолько он мне кажется неожиданным.

– Ну давай, – потирает Яна, и я принимаю из её рук бутылку вина. Следом, мне вручают уже знакомый штопор.

– Откуда ты их берёшь?

– Это только ты, отправляясь на свидание, не способен позаботиться даже о вине.

– А у нас что, свидание? – задумчиво протягиваю я.

– Ещё чего, обойдёшься! – Яна показывает мне язычок и отправляется мыться, оставив свёрнутое рулончиком полотенце почти у самой воды.

Над рекой разносится незнакомый, но очень приятный аромат. Смотрю как девушка тщательно намыливает волосы, пена белыми хлопьями падает на воду. Иногда она забывается, поворачивается ко мне боком, и тогда вижу грудь Яны, высокую, с тёмными ореолами сосков.

– Химия... – говорю я скорее сам себе, чем спутнице, но Яна слышит меня и понимает.

– Это специальная зелёная линия косметических средств, – говорит она. – Безвредно для природы.

– Ну-ну...

Больше ничего не говорю, молча наблюдаю за тем, как Яна мылит тело. Мочалку, разумеется, она взять забыла, поэтому моется ладошками.

– Намылишь спину?

Нежно, стараясь помнить о том, что спина у неё обгорела, мою ей спину, хотя надобности в этом по моему никакой нет, сметана давным-давно смылась речной водой. Ладони скользят по её спине вниз, оставляя за собой белый, мыльный след. Касаюсь резинки её трусиков, и поднимаюсь к шее. Затем вновь вниз, с боков её тела. На этот раз, преодолев порог ткани, не мою, а скорее оглаживаю наружную часть бёдер, вновь поднимаюсь вверх. И вниз... Мои руки бегут по спине, и дрогнув в последний момент, всё же преодолевают полоску ткани, проходят по ягодичкам девушки. Устремляются вверх...

– Хватит, – тихо говорит Яна. – Спасибо.

Она заходит в воду, не оглядываясь на меня, быстро смывает с себя пену.

Возвращаются звуки. Оказывается, мир продолжал всё это время жить, но я его почему-то не воспринимал. Квакают лягушки, шумит ветер в деревьях на берегу, где-то недалеко от нас, слышен звонкий шлепок по воде.

– Отвернись, пожалуйста.

Я отворачиваюсь, слышу, как она вытирается полотенцем и одевается.

– Ну и где моё вино?

Поднимаю бутылку с песка, протягиваю ей.

– А бокалы? Блин, я забыла их взять...

– Да и ладно, – отвечаю я ей. – Если хочешь, пей одна, я не буду.

– Не в этом дело...

Яна убирает со лба мокрую прядь. Ночью, если не подсвечивать фонариком, её мокрые волосы кажутся чёрными. Она забирает у меня бутылку и делает большой глоток. Протягивает мне, и я прикладываюсь тоже.

– Давай немного посидим тут?

Яна несколько раз складывает полотенце, кладёт получившуюся полоску материи и садится. Устраиваюсь рядом, чувствую её дрожь и осторожно обнимаю, отчего становится теплее нам обоим. Яна делает ещё несколько глотков вина, и я следую её примеру.

Не знаю сколько мы так просидели, по очереди прикладываясь к бутылке и слушая лягушачий хор. После городского концерта клаксонов под аккомпанемент визга шин, здесь настолько спокойно, что почти не верилось в реальность этого вечера. А тем более, не верилось в объятия этой девушки. Ну, ладно, пусть даже она меня не обнимала, но ведь я её да...

Вытянул вперёд левую руку и коснулся кнопки. Часы послушно высветили время: 23:04

– Пойдём домой? – спрашивает Яна.

– Да, пора, наверное.

Я думаю о том, что до полуночи необходимо зажечь свечу. Вообще то, у меня есть три дня для этого, и, если Яна не будет спать к означенному времени, можно отложить это на завтра, но откладывать очень уж не хочется. Так можно дойти до того, что и вовсе на следующее полнолуние всё перенесётся.

По дороге домой, мы всё-таки забрали чемодан Яны, без него она никак не хотела идти, да и я был не в состоянии спорить. Вино и накопившаяся за день усталость добрались до меня. Мы доходим до дома и отправляем уже вторую бутылку вина в мусорный пакет. Когда она успела опустеть?

– Дим, а где тут у тебя можно зубы почистить? Проводишь?

– Провожу, куда от тебя деваться, – вздыхаю я тяжело.

Тоже чищу зубы, пока она копается в своей сумке, а затем стою, жду пока то же самое сделает Яна. Смотрю на звёзды и впитываю эту ночь, этот вечер. Бросаю взгляд на часы: 23:39

Свеча будет гореть около часа. По инструкции. Сколько получится на самом деле, я не проверял. Главное, чтобы она горела в полночь, а ещё, что бы в это время я был в доме. Лучше всего зажечь сейчас. Яна выдаёт какие-то горловые звуки и поласкает рот, а я торопливо забегаю в дом.

Распахнул топку голландки, щёлкнул зажигалкой. Наконец, фитиль свечи занимается и я, прикрыв дверцу, убеждаюсь, что пламя будет видно. Вот, блин! А что если сделать наоборот? То есть, не прятать? Ставлю свечу в небольшую стеклянную банку, а её водружаю на письменный стол. Пламя чадит и пляшет, но даёт вполне достаточно света. Пойдёт.

Стелю спальный мешок как раз к приходу Яны, и увидев его, она останавливается в недоумении. Наконец спрашивает:

– Это что... это всё?

– Ну да, а ты что хотела?

– Но как мы в нём поместимся?

– Лёжа друг на друге, – поясняю ей. – Сначала ты сверху, потом я...

– Дим! – она явно сердится.

– Яна, ну ты же сама хотела спать в спальном мешке. Поместимся, как-нибудь, не переживай. Ложись лучше, если ещё не передумала.

Она проходит к кровати, залезает в спальный мешок и некоторое время елозит в нём, устраиваясь, я же, втайне посмеиваясь, наслаждаюсь зрелищем.

А ещё, сейчас я к ней присоединюсь...

Эта мысль волнует, я даже не сразу понимаю смысл слов Яны и ей приходится повторить:

– Ди-им! Ты уснул? Выключай давай, и свечку свою гаси. Нафига зажёл то, воняет травой жжёной.

Щёлкаю выключателем, стягиваю с себя футболку с шортами и залезаю в спальный мешок к Яне. Не так и плохо, и чего она привередничала? На самом деле, даже просторнее, чем я предполагал. Пытаюсь лечь на спину, но так мы не умещаемся, потому что на спине лежит она, мне приходится лечь на бок. Волосы девушки щекотят нос, я верчу головой, чувствуя гру-

дью её плечо. И ещё, мне некуда девать руки, оказывается, что в этой позиции необходимо её обнять, чтобы разместиться более-менее комфортно.

– Ты чего разделся? – возмущается девушка. – И перестань меня лапать, только приставаний твоих не хватало сейчас.

– Если ты думаешь, что я буду спать тут одетым, ты сильно ошибаешься, – шиплю ей сквозь зубы, потому что Яна чувствительно пихает меня локтем в живот. – Прекрати возиться, ты как червяк... Ой! Яна, мне больно!

– Я никак не устроюсь! И футболка колется, трава или песок попали.

– Так сними её.

– Обойдётся!

– Ну и спи так, только елозить перестань.

Я всё-таки водружаю левую руку ей на животик, а правую кладу себе под голову. Против такого девушка не возражает, потому что вдвоём тут и в самом деле тесновато и приходится искать компромиссы.

Яна успокаивается, но тут же требует погасить свечу.

– Не надо, скоро сама погаснет. Традиция такая, в долго стоявшем доме положено свечу сжечь.

Это Яна почему-то принимает сразу и затихает.

Смотрю на бледный язычок пламени и мысленно отсчитываю секунды. Вокруг тихо так, что слышу шум в собственных ушах. А может это ветер на улице? Не понимаю, и задумавшись об этом, сбиваюсь со счёта.

Где-то под полом раздаётся писк и Яна тут же вскидывает голову:

– Дим, ты слышал?

– Да спи ты уже, не доберутся они до тебя, – я даже морщусь от досады. Нажимаю кнопку на часах и убеждаюсь, что до полуночи осталось всего три минуты. Бурчу: – Мне даже снится что-то начало, а ты со своими мышами. Отстань, Ян.

Девушка умолкает, возможно обиделась, но мне сейчас всё равно. Мой мысленный счётчик перешагивает полночь и спустя ещё пять минут я не выдерживаю: вновь проверяю время. Всё верно. Вообще то, часы идут правильно. Ладно, кажется в инструкции упоминалось о том, что иногда приходится подождать дольше. Или всё это полный бред, а я – псих в него поверивший.

Нервничаю так, что с трудом заставляю себя лежать неподвижно и почти заканчиваю отсчёт ещё одной пятиминутки, когда меня накрывает.

Словно проваливаюсь в колодезь, в ушах встаёт гул ветра, хлопают крылья и слышится резкий, клокочущий крик. Перестаю ощущать спальный мешок и Яну, меня словно подвесили на верёвочке, а вокруг носятся невидимые в темноте твари типа летучих мышей. Вновь клокочущий крик, на этот раз гневный. Кому-то не нравится, что здесь появился я? Моргаю, силясь разглядеть где оказался и что происходит, но перед глазами лишь встают красные круги. Лицо обдаёт сильным потоком воздуха, ого-го, а тут далеко не только летучие мышки, тут ещё летает некто намного крупнее!

Потом всё заканчивается. Прямо перед собой вижу два огромных жёлтых глаза с узкими зрачками. Не кошачьи, скорее крокодильи, они смотрят, не мигая и мне чудится зелёная морда с торчащими клыками. Неожиданно понимаю, что нахожусь дома, Яна сопит в шею, а в подполе опять пищит мышь, но видение жёлтых глаз не отпускает меня. Несколько раз моргаю, и наконец окончательно возвращаюсь к реальности. Свеча почти погасла. Пламя трещит и подёргивается, давая не столько света, сколько копоти.

– Плохой сон? – спрашивает девушка сонно.

– Рука затекла, – отвечаю я ей.

Переворачиваюсь на другой бок и чувствую, как она обнимает меня сзади, прижимается к спине. Такая горячая и желанная... Но не сейчас. Сейчас я чувствую разлитый в воздухе змеиный запах, а когда опускаю веки, передо мной как наяву встают жёлтые, с узкими зрачками глаза.

Глава 8

В небольшой, – всего три столика кафешке пусто. Стою изучая ценники и внешний вид выставленной на продажу выпечки. Сосиска в тесте выглядит максимально похожей на еду, заказываю пару штук и стакан зернового кофе, присаживаюсь за столик. Почти сразу рядом опускается широкоплечий, одетый в просторную серую ветровку парень.

– Здорово, Дим, – он с ходу жмёт мою руку и тут же кричит девушке за стойкой: – чай чёрный, без сахара пожалуйста.

– Привет, Саш – здороваюсь я. – Как жизнь, как дела, как работа?

– Идёт по накатанной, – отмахивается пришедший и ждёт, пока девушка поставит на стол мой кофе.

– Сосиски греются, – говорит она и удаляется, виляя филейной частью.

– Ты смотри, – негромко удивляется Саша и покачивает головой в такт покачиванию попы девушки.

Я фыркаю.

– Ну давай, рассказывай, что у тебя случилось?

Саша мой старый, очень старый друг. С ним я знаком с первого класса и ему доверяю почти полностью. С моего первого, ему-то сейчас почти тридцать. Колеблюсь, не зная рассказывать или нет про ритуал.

– Не то, что бы случилось, – говорю я задумчиво. – Смущают меня некоторые встречи, которые в последнее время происходят.

– С женщинами, хоть?

– С ними, – вздыхаю я.

– Тогда это нормально. Женщина должна смущать и вводить в искушение. Это ещё Ева придумала.

– Какая ещё Ева? – не понимаю я, погружённый в свои колебания.

– Ева... Ребровна наверно, об отчестве я как-то не задумывался.

– Тьфу ты, – в сердцах сплёвываю на землю, за что достаиваюсь недовольного взгляда девушки, которая принесла сосиски мне и чай для моего друга.

Девушка делает внушение о плевах в общественном месте и отходит, а я всё-таки приступаю к объяснениям, невольно понизив голос:

– Саш, ты, наверное, помнишь, что я всегда увлекался языческими верованиями и ритуалами.

– Помню даже, что тебя за глаза Друидом во дворе называли.

– Ну да, – невольно морщусь. – На самом деле, я в это не верил никогда по-настоящему.

– Иначе я бы с тобой не дружил.

– До прошлого года не верил...

Сашка перестаёт меня прерывать и слушает внимательно, и я выкладываю ему всё.

Подробнейшая инструкция с коротким названием «Ритуал» хранилась в нашей семье всегда. Неизвестно, откуда она взялась, из каких веков и стран до нас дошла, по словам моего отца, мы храним этот текст как минимум поколений десять, но скорее всего больше. Каждый мальчик, рождающийся в нашей семье, переписывает эту инструкцию слово-в-слово из прошлой, когда ему исполняется восемнадцать лет.

Казалось бы, с учётом размножения и общей болтливости людей, эта тетрадка давно должна быть выложена в интернете, или о ней должны знать много людей, но этого почему-то не происходит. Я не задавался вопросом «почему», этим озадачился мой отец. Во-первых, попадая в посторонние руки, безобидный текст превращается в по настоящему роковой, достоверно известно о пяти случаях гибели людей, которые становились обладателями невзрачной

тетрадки с названием «Ритуал». Я не знаю, что произойдёт, если попытаться, например, напечатать текст в газете, вполне возможно, что, например, сердечный приступ не даст мне этого сделать.

При этих словах, Сашка хмыкнул, но комментировать не стал, слушая дальше.

Во-вторых, в нашей семье рождаются только мальчики. В спальне моих родителей, висит генеалогическое древо нашего рода, одиннадцать поколений – неплохая статистика. Конечно же, всех отследить не удалось, есть обрывающиеся линии, люди пропадали без вести или погибли на войне, возможно оставив потомство неизвестное нам, но тем не менее, можно выявить третий факт.

– Такие случаи бывают, – говорит Сашка. – Редко конечно, но есть семьи, где на протяжении нескольких поколений, рождаются только мальчики.

В-третьих, численность родившихся в каждом поколении, имеет предел. Семь-восемь мальчиков – это максимум которого мы достигали, меньше – бывает, больше нет.

– А это вообще, надуманное, – смеётся Сашка. – Обычное совпадение, тем более, что ты сам говорил: отследить все ветви своего рода вы не смогли.

– В этом, я с тобой, пожалуй, соглашусь, – киваю я. – Есть ещё некоторые признаки, но их к сожалению, я открыть уже не могу, они указаны в тетради.

– Роковой тетради! – Сашка важно поднимает указательный палец, и тут же машет рукой: – ну ладно-ладно, без обид, Дим, но пока это сказка, которая детским садом пахнет. И что будет если его пройти, этот твой ритуал?

– А никто не проходил. Ты не знаешь, там действительно всё выглядит очень серьёзно, плюс каждое поколение своим детям вдальблывает: это всё будет по-настоящему. И подготовка долгая очень, и крайний срок – двадцать три года, потом становится поздно. Не знаю, почему такая планка, хотя, там вообще много всяких ограничений и правил.

– И ты хочешь сказать, что за десять, или сколько там поколений никто ни разу его не прошёл?

– Кто-то проходил. Есть заметки, рекомендации... Но кто и когда это сделал – неизвестно. Эта тетрадочка переписывается в том виде, в каком попала ко мне, уже очень давно.

– Зная тебя, могу предположить, что ты решил это сделать. Угадал?

– Я уже начал прохождение ритуала, – говорю я негромко. – Там очень долгая процедура, только на подготовку год ушёл, но вчера произошло нечто... В общем, эта инструкция не пустышка, эта дорога действительно куда-то ведёт.

– И? В слонопотама, или годзилу какую-нибудь ты пока не превратился. Ворота в иной мир распахнулись, или что ещё?

– Прошлой ночью кое-что произошло, я к сожалению, не могу рассказать, извини.

– Ладно, – Сашка барабанит пальцами по пластику стола. – От меня-то что требуется? Ты же не просто так попросил встретиться, что там с твоими женщинами? У тебя будет очередной мальчик?

– Во время прохождения ритуала, половые акты воспрещаются, – с некоторой грустью жалуясь я ему. Сашка ухмыляется, и я добиваю друга: – А также в течении года до этого.

– Так ты уже больше года ни-ни-ни? – он смеётся, запрокинув голову, показывая здоровые белые зубы. – Немудрено, что вчера кое-что произошло, от такого долгого воздержания сосудики в голове начинают лопаться, всё что угодно примерещиться может!

Невольно тоже улыбаюсь, так заразительно он веселится.

– Так что от меня-то нужно? Достать тебе свежую подшивку «Плейбоя»?

– Я не супер-красавчик, – решаю не обращать внимания на его подколки. – И когда ко мне в постель навязывается обалденно красивая девушка, это само по себе выглядит странно, а уж если это совпадает с началом... В общем, я решил перестраховаться и позвонить тебе.

Рассказываю ему историю вчерашней встречи с Яной. Подробно, ничего не утаивая. Сашка слушает с интересом, ему явно нравится моя соседка, хотя он её ещё даже не видел. Подумав, так же описываю свою встречу со Светкой. Мой друг смеётся, роняет стаканчики на столе, к счастью уже пустые.

– Ну ты даёшь! – он стучит по столу ладонью так, что задремавшая за стойкой девушка вздрагивает и едва не падает со своего стула, смотрит на нас неодобрительно. Наконец, он успокаивается и разводит руками: – Извини, но всё равно не понимаю, что ты от меня хочешь. Боишься, что не выдержишь и прервёшь своё воздержание? Хочешь, чтобы я переманил у тебя Яну?

– Хочу, чтобы ты проверил её историю. Правда ли, что она уволилась недавно, и про директора и всё остальное.

– Ну ты даёшь! И как я по-твоему это должен сделать? Дим, это не кино, где можно пощёлкать кнопками на компьютере и узнать подробную жизнь любого человека, включая распорядок его дня. Мне придётся запросы делать кое-какие, людей подключать, и как я им это объясню?

– Саш, я же знаю, что ты можешь. Не обязательно с подробностями, но какие-то проверки в твоих силах, ведь так? Ну не было у меня такого, что бы вот такие рыжие в мой спальник мешок запрыгивали. Ты её просто не видел, да она супермодель натуральная. Не верю я в такие совпадения. Надо, почему-то меня эта ситуация очень беспокоит.

– А просто выгнать? За порог её, без объяснения причин, и делов то.

– Будет жить в соседнем доме. Что для меня изменится? И плюс ещё кое-что: в инструкции написано, что возбуждение и нереализованное желание сильно упрощают прохождение ритуала. Вот и пользуюсь ситуацией.

– Действительно, на какие только уступки не пойдёшь ради дела, – вздыхает он с деланным сочувствием. – Хотя и упускать такую русалочку нехота, понимаю...

Сашка мне должен. Я не считаю, что он обязан мне жизнью, но Сашка говорит, что это так. Была года два назад мутная ситуация, и потому, друг сейчас барабанит пальцами по своему перевернутому стаканчику в задумчивости, вместо того, чтобы просто послать с подобными глупостями.

– Ну хорошо, допустим, кое-что я смогу выяснить, – сдаётся он неохотно. – Не думаю, что это так необходимо, но раз ты просишь, узнаю про твоих девчонок что смогу. Давай координаты, про кого надо узнавать то...

Оказывается, что я не могу ему назвать даже фамилию Яны. Ну откуда мне её знать? Сашка ругается, называет меня «балбешариком», и расспросив максимум подробностей, обещает всё же что-нибудь выяснить.

Провожая взглядом уезжающего Сашку: ему хорошо, минут через сорок уже будет в городе, мне же до дома добираться придётся намного дольше. От Бирюково – посёлка где я нахожусь сейчас, минут двадцать электричкой до станции Вёшенки, а от неё пешком часа полтора до деревни.

Вообще то, Бирюково – райцентр и раньше отсюда в Белоземицу ходили регулярные автобусы, но сейчас, когда там населения осталось раз-два и обчёлся, в деревню заезжает лишь два проходящих рейса: утром и вечером.

Сидеть без дела – скучно, но и занятие никак не могу себе придумать. Прохожусь по при вокзальной площади, стою в магазинчиках, изучая ассортимент, даже что-то покупаю. Здесь автовокзал и железнодорожная станция расположены рядом, потому много и людей, и торговых точек. Центр местной цивилизации.

Находившись, сажусь на перроне: смотрю на проходящих мимо людей, кормлю голубей купленным батоном.

Вспоминаю вчерашний вечер, а особенно ночь. Спать рядом с молодой, привлекательной и сексуальной девушкой после года воздержания – просто пытка, от которой я был не в силах отказаться по доброй воле. Ночь прошла в полусне, полу-бодрствовании, я чувствовал Яну при каждом её движении, обнимал её, потому что иначе в спальном мешке разместиться было нельзя, и казалось, что состояние возбуждения перешло в некую хроническую форму и теперь я вечно буду ходить с торчащим членом. Воспоминания о девушке приводят к тому, что у меня кровь опять начинает приливать туда, куда сейчас не надо, кажется надо начать думать о другом...

Приходит и уезжает в город электричка, жаль, но мне в другую сторону. Уже собираюсь отправиться на второй круг прогулки по магазинам, когда на глаза ложатся прохладные ладошки, а в ухо мне шепчут:

– Угадай, кто?

Глава 9

Машина мчится по дороге со страшной для меня скоростью. Я вообще не любитель быстрой езды, «неправильный русский», как меня однажды назвал Сашка, а сейчас стрелка перевалила отметку сто пятьдесят и продолжает клониться вправо. Может быть, если бы всё это происходило на хорошем шоссе, где скорость восемьдесят сложно отличить от сто двадцать и выше, я бы не возмущался, но сейчас, не выдерживаю:

– Светка, ты что, убить нас хочешь?

Девушка смеётся, и смотрит на меня с превосходством бывалой автогонщицы перед пенсионером, едущим на велосипеде по обочине.

– Мы ещё только начинаем разгоняться, – весело сообщает она.

– А я ещё только начинаю жить! Тут же яма на яме, ну куда ты гонишь!

Она опять смеётся, но скорость сбрасывает, хотя возможно лишь потому что впереди очередной поворот, а из-за деревьев не видно, что находится за ним. Вообще, лес здесь очень густой и деревья стоят достаточно близко к дороге, из-за чего вокруг приятный такой полумрак. После жаркой духоты на той лавочке, в кондиционированном салоне авто настоящий рай.

– Как ты вообще оказалась на том вокзале?

– Ты очень невнимательный, – с укором говорит она. – Я ведь тебе уже сказала, что провожала свою тётку на поезд. Тётка в город уехала, а я пока за её домом и козами буду приглядывать.

Почти уверен, что она мне этого не говорила, но поразмыслив, кажется припоминаю нечто подобное. Сумбурный день, не говоря уж о прошлой ночи.

Машина проходит ещё один поворот и лес заканчивается. Становится светлее, я осматриваю свою спутницу. Светка ловит мой взгляд, но тут же отворачивается к дороге. Сколько ей? Двадцать или двадцать один, кажется, но как по мне – она выглядит старше. Может быть из-за косметики, может быть лишние годы ей накидывают мельчайшие морщинки у глаз. И ещё, наверное, поведение. Там, в Белоземице, она показалась мне деревенской девушкой, чуточку простоватой, немножко округлой, но сейчас, рядом со мной сидела вполне себе городская офисная леди. Хотя, возможно на моё мнение оказывала влияние машина, которой она так лихо управляла, и конечно одежда. Серый короткий топ, оставляющий открытым плоский загорелый животик, чёрные джинсы с несколькими модными нынче дырами. В одну из них, выглядывала аккуратная коленка. Золотые серьги, кулон и кольцо на пальце были комплекtnыми, выполненными в одном стиле и с одинаковыми голубыми камнями, отлично подходившими к голубым глазам владелицы.

И лишь в разговоре, да иногда в манерах проскальзывало нечто мягкое и тёплое, что удивительным образом шло ей и дополняло образ. В остальном же, она действительно уверена в себе, на мой вкус, даже слишком. Сильная, современная женщина, совсем не похожая на большинство моих сверстниц. Вот и машину она ведёт так же, и где только научилась?

– Ты чего так смотришь?

– Да... – смущаюсь, но всё же отвечаю правду: – Ты необычная. Или точнее, непривычная для меня.

– В самом деле? – удивляется она. – И чем же?

– Какая-то ты... Сильная, уверенная. Это здорово, это очень интересно, но и странно немножко...

– Непохожая на твоих дворовых подружек, – Света усмехается.

– У меня нет дворовых, да и других подружек, но вообще-то да, примерно так и есть.

– Милый, у меня родители погибли в автокатастрофе, когда мне было четырнадцать. Тётка была моей семьёй, но больше по бумагам, потому что жить в городе она не хотела, а я наотрез отказалась переезжать в Белоземицу. Что я в этой деревне потеряла?

– Извини, я не знал, – растерянно говорю в ответ.

– Вот так и получилось, что я уже семь лет живу одна в городе. Со мной живут какие-то тёткины дальние родственники, но они по сути мне лишь квартиранты, за счёт них я поначалу имела какие-никакие карманные деньги.

– Свет, я не знал, – опять повторяю я.

– Да ладно, – она машет рукой, хотя весёлость в глазах, кажется теперь напускная. – Это было давно, я привыкла.

Хочу спросить, как она вообще, и чем занимается сейчас, где работает, но не решаюсь. Меня смущает она, и машина эта – совсем даже не старая «Тойота» смущает. Света же, смотрит искоса и опять смеётся.

– Кажется, ты про меня плохо подумал, – я краснея мотаю головой, и она заливается колокольчиком смеха. – Дима, я работаю в достаточно серьёзной и взрослой фирме. Когда достигла совершеннолетия, старый друг папы устроил. Сначала на испытательный срок, но оказалось, что у меня талант чувствовать людей, убеждать их в своей правоте. Однажды меня взяли с собой на переговоры, и они прошли успешно. Потом ещё раз, и сейчас я зарабатываю столько, сколько мои одноклассники-пустышки даже не мечтают. Поначалу они хихикали, когда я говорила, что работаю и пытаюсь чего-то достичь, потом начали напрашиваться в друзья, куда-то приглашать, а сейчас их для меня просто не существует.

– Какая ты... – говорю я и испытываю острое чувство дежавю. Морщю лоб – ну конечно! Вчера точно такие же слова сказал Янке, когда она мне про своего директора рассказывала. Надо же...

– Не веришь? – хитро щурится она, поглядывая со странным интересом.

– Верю, ты только на дорогу смотри, не на меня, – отвечаю я, и в самом деле сразу поверив в её слова.

Такой девушке сам Бог велел убеждать мужчин, хоть на деловых переговорах, хоть в неофициальной обстановке. Убедимся, как миленькие. Рассматривая её, я испытываю некое эстетическое наслаждение. Телесные контакты мне запрещены ещё на целый месяц вперёд, да и Яна появилась – её тоже приходится учитывать, но и у Светы было на что положить глаз.

– Смотришь, словно раздеваешь глазами. Ещё немного, и с меня топик сползёт, – хихикнув, она подцепляет ляпочку топа и скидывает её, я вижу салатного цвета лямку бюстгалтера.

Хочу возмутиться, но отчего-то слова возмущения не идут, а девушка поправляет одежду и машет рукой:

– Всё-всё-всё больше не буду, извини. Захотелось чуть-чуть смутить тебя, интересно было посмотреть реакцию.

– И как?

– А ты что, смутился? Я не заметила.

– Вообще-то нет, – соглашаюсь. – Вот если бы ты его совсем сняла, и не остановилась на этом, может тогда?

– У-у-у, какой ты! – она молчит, а затем обещает: – я подумаю. Может попозже.

Не понимаю, шутит она, или говорит серьёзно, оттого ничего не отвечаю.

Машина преодолевает холм и перед нами открывается вид на деревню.

– Почти приехали, – говорит Света. – Тебе в магазин надо?

– Нет, я же в райцентре закупились. А здесь всё-таки есть магазин? Я не знал...

– Есть, хотя и ущербный, конечно. Сейчас будем проезжать, я покажу.

Указав местонахождение синего вагончика с надписью «Продукты» над дверью, Света высаживает меня у колодца, в десяти минутах ходьбы от дома. Я не возражаю, потому что по

той дороге её «Тойота» не проедет. Напоследок, она меня даже в щёчку целует, что вообще-то неожиданно, но очень приятно.

Иду к дому, раздумывая как объяснить Янке, что сегодня ей надо ночевать у себя. Эта ночь особая, посторонним присутствовать при этом запрещено. Странно, но перед домом стоит высоченный внедорожник, рядом с машиной Яна разговаривает с пузатым мужичком в тельняшке.

– Ой, а вот и он, – радуется девушка, завидев меня и машет рукой: – Димка, Дим, иди сюда, я уже чуть не уехала!

Ускоряю шаг, с некоторым беспокойством глядя на подругу.

– Меня сегодня не будет, – она разводит руками, не тратя время на приветствия.

Пожимаю руку пузатому, но смотрю только на Яну:

– У тебя всё в порядке?

– У меня сегодня день рождения, у любимой племянницы, то есть. А я тут как дикая, спасибо Виталик позвонить догадался и даже приехал за мной. Это мой брат, ты его наверно не помнишь, он сильно старше нас.

– Не помню, – услышав о брате, немного успокаиваюсь. Почему-то первым делом я всегда думаю о плохом, и сейчас увидев этого пузатого, предположил, что её бывший директор явился за деньжками своими. – День рождения – это святое, его пропускать нельзя. Значит, ты уезжаешь.

– Только до завтра, Дим, – она точно отпрашивается у меня. Словно Яна уже давно за мной замужем, а я слегка подзабыл этот факт. – Виталя говорит, что мне не надо пока в городе появляться, ещё не всё устаканилось.

– Значит, проблемы всё же были?

– Ну, разве это проблемы, – она легкомысленно машет рукой. – Ой, ты наверно думаешь, что это из-за работы? Нет, там совсем другое. Фигня!

Она морщит носик.

Вот значит, как. Ещё какая-то «фигня» есть... Решаю выпытать всё позже, если она таки вернётся сюда, а Яна уже прощается, и напоследок целует меня в ту же щёку, где совсем недавно отметилась Света – пикантная деталь.

Смотрю вслед машине и думаю, что всё сложилось очень даже удачно, а главное, самой собой, ничего не пришлось изобретать. Теперь у меня имеется такая необходимая ночь в пустом доме.

Только сейчас замечаю, что к калитке ведёт широкая выкошенная полоса, и двор кажется тоже очищен от травы. Захожу за калитку и убеждаюсь, что не только двор, но и тропинка к туалету и бане. Неужто Виталик постарался? Экий трудолюбивый Винни-Пух, надо будет ему пожать при встрече мужественную волосатую лапу...

Время уже послеобеденное, а мне ещё кучу дел нужно переделать. Скошенная трава, которая так и лежит во дворе, требует уборки. Жаль, но грабли в доме не нашлись, приходится сгребать её мотыгой. Мою полы в бане, потому что вполне возможно, скоро она пригодится. Делаю ещё десяток мелких дел, неосознанно оттягивая самое серьёзное, а поняв это, бросаю всё и заперевшись в доме, приступаю к подготовке. Сегодня будет сделан ещё один шаг. Я не отступаю.

Глава 10

В голове пусто и пронзительно холодно. Когда-то видел рекламу, в которой человек берёт в рот мятную подушечку жевательной резинки и выдувает морозный воздух. Кажется, мою голову набили такими подушечками под завязку. Мыслей нет. Ощущений нет. Желаний что-либо делать нет. Есть чувство полёта, словно я парю над землёй...

Сколько длится это состояние не знаю. Прихожу в себя постепенно: появляется жажда, затем голод, приходит ощущение неудобной позы, в которой я лежу, а ещё, очень тяжело дышать. Поднимаю голову и слепо повожу ею из стороны в сторону. Темнота. Провожу рукой по лицу и скидываю с себя спальный мешок. Свобода! Дышать становится легче, зрение тоже сразу восстанавливается.

Я в доме деда, в Белоземице. С трудом поднимаюсь, и обнаруживаю себя абсолютно голым. В комнате полумрак, ставни закрыты, но предметы видно достаточно отчётливо, и себя тоже вижу хорошо. Тело грязное, покрытое непонятными значками и разводами, видны несколько кровоподтёков. Сильно болит скула – на ней обнаруживается синяк. Что со мной произошло?

Надо умыться, но выйдя из дома останавливаюсь на крыльце шокированный зрелищем. Двор выглядит так, будто его на ночь облюбовала под свои игрища секта сатанистов. Бурые, почти чёрные, идеально прямые линии исчерчивают его вдоль и поперёк. Пентаграмма? Похоже... В центре находится нечто тёмное и лохматое, от чего я отворачиваюсь, борясь с подступающими к горлу спазмами. Закрываю глаза, дышу ровно и часто, пытаюсь прийти в себя и...

Я натягиваю капроновые нити меж вбитых крошечных деревянных кольшиков. Условия очень плохие, начерченная пентаграмма конечно лучше, но чертить негде и нечем. Плохо. Большой дополнительный расход силы, которой в моём распоряжении так мало.

Рычу.

Ничего, пропитанные моей кровью нити справятся, они подойдут. Передвигаться по двору становится очень неудобно, иду на цыпочках. Прохожу над силовыми сплетениями, шепчу слова. Чужие, странные, горловые.

Мешает мельтешение в мыслях, слышу обрывки заунывных песен и чьи-то голоса, чудятся отзвуки чужих шагов и ядовитое шипение с крыши.

Останавливаюсь, рычу. Задирая голову и чувствую, что на крыше действительно кто-то есть. Гибкий. Опасный. Женщина? Враг! Надо достать.

Рычу.

Поняв, что обнаружена, она бросается в сторону, спрыгивает с крыши и исчезает из поля зрения.

Оборачиваюсь к жертве. Пёс, большой, чёрного окраса. Сначала лаял, но я ему повредил горло и теперь он может лишь скулить.

Помещаю его в центр пентаграммы и глядя в чёрные глаза, начинаю шептать слова...

Я очнулся, сидя у стены. Приятная прохлада кирпича холодила затылок и спину, а перед глазами до сих пор стояли чёрные глаза собаки. Вот значит, кто там лежит... Надо убраться, но в ногах слабость, которая пока не даёт встать. Сильно болит левая рука, при взгляде на неё, меня берёт оторопь. Два длинных и глубоких пореза через всю ладонь. Вспоминаю: пропитал капроновые нити своей кровью. Видимо, когда кровь перестала течь, я, не раздумывая, полоснул себя по руке снова.

Опять начинает мутить, и я, отправляюсь в дом. Перебинтовываю руку и смотрю на часы: почти полдень. Яна! Подпрыгиваю, вспомнив о ней, она не говорила во сколько приедет, а значит, может заявиться хоть прямо сейчас. Что девушка предпримет, увидев останки пса во дворе – не берусь даже гадать. Плюс нужно ещё убратсья в доме, и отмыться, потому что тело исписано похлеще чем у якудзы и матёрого уголовника вместе взятых.

Смотрю на себя в зеркале и обнаруживаю, что узоры покрывают даже спину. Не верится, что я это сделал сам, человек не способен так извернуться, ну по крайней мере я – так точно не смогу. И ещё, не могу понять, чем нанесены эти узоры. Не шариковой ручкой же, в конце концов, она бы размылась потёками пота и частично стёрлась за ночь о спальный мешок. На душе появляется неприятное предчувствие. Царапаю ногтем рисунок на запястье, затем мочу его слюной, тру более усердно и ничего не происходит. Но ведь невозможно нанести татуировку за ночь на всё тело! Здесь даже некому её наносить, это не может быть татуировка, как я на люди выйду в таком виде?!

«Позже попробую ещё раз, схожу на реку», – говорю я себе, но голос слабый и не убедительный.

На самом деле, уборка занимает не так и много времени. Труднее всего копать землю пользуясь одной правой рукой, а потом маскировать собачью могилу. Получается вообще-то не очень, но лучшего ничего в голову не приходит.

Рычу и покрываюсь холодным потом при этом звуке. Это сделал я?! Я издал это рычание?

Сижу на кухне точно потерянный плюшевый мишка: ни единого движения, в голове ни одной мысли. Наконец, с трудом нахожу в себе силы на уборку зала. Спальный мешок оказывается разорванным на две части, одна из них пропитана кровью и воняет псиной. Засовываю без лишних сожалений его в мусорный пакет, а сам отправляюсь на реку отмываться.

Вода холодит и приводит в чувство, я наконец ощущаю себя по настоящему проснувшимся, но избавиться от рисунков на теле не удаётся. Я тру себя мочалкой с мылом, потом шампунем, потом содой, а под конец просто песком. В итоге, мочалка рвётся и закинув её остатки со злости в кусты, я растягиваюсь под деревом.

Приплыли.

Я открываю глаза и смотрю на себя точно со стороны. Худощавый – плохо, слишком слабый. Светлые волосы – плохо, светлый окрас нам не привычен. Место ритуала – хорошо, сила протекает через меня, я чувствую её и купаюсь в её потоках. Время года – хорошо, люблю тепло.

Встаю широко расставив ноги. Одежды на теле нет, вижу себя одновременно всего, включая ступни и кожу головы, покрытую волосами. Чувствую тело в каждой точке и точке, собираюсь с силами и закрываю глаза. Линии рождаются на груди и ползут по коже, расчерчивая меня. Это песнь моего призыва, это моя клятва верности, это шаг, что я должен сделать или сгореть.

Вновь открываю глаза и подношу к ним ладонь. Вижу её и без этого ненужного жеста, но смотреть глазами – интересно. Рука покрыта ровными рядами символов. Это очень старая письменность, но не такая старая как я. Читаю начертанное на мне. Доволен. Рычу.

Я просыпаюсь или прихожу в себя – сам не знаю. Был ли это сон, или воспоминание, что более яркое и живое даже чем реальность? Знаю одно: это было, это происходило ночью, и моё тело – лучшее тому подтверждение.

Так же как в этом сне, подношу к глазам ладонь и вдруг начинаю узнавать покрывающие меня значки. Смысл ещё не ясен, но почти уверен, что, стоит сконцентрироваться, и я его пойму. Невольный стон вырывается из моих губ, и я рывком сажусь. Останусь ли я тем же, кем являюсь сейчас, если пройду ритуал полностью? И чем я становлюсь, что за тварь,

способная видеть одновременно всё вокруг, способная ощущать тело как целое, управлять им не так как человек, а много лучше. Ведь рисунки, нанёс действительно я сам, точнее тот, кем я был ночью. Нанёс, не обращаясь в тату-салон, нанёс за какую-то минуту. Просто захотел и сконцентрировался – это же так просто...

Стою в комнате перед зеркалом. Там, в отражении некто незнакомый, это одновременно я и не я: глаза светятся в темноте ярко-жёлтым, а зрачок чёрный и узкий, вертикальный. Рисунки по всему телу, а на руках надписи. Сердце наполняется чем-то неведомым мне раньше: силой и гордостью, умением идти вперёд так, что невозможно остановить, а ещё пламенем, что оказывается всегда было со мной, но спало. Мне жутко, потому что это существо – я, и в то же время по телу бежит дрожь восхищения. Потому что это существо – я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.